

Серьезные ошибки издательства

«Советский писатель»

1.

Литературные издательства — могучее средство советского государства в коммунистическом воспитании наших людей. Работа партии и правительства о развитии советской литературы ясно сказывается в том внимании, которое было оказано издательству «Советский писатель», занимающемуся выпуском произведений современной художественной литературы. В 1946 году ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР приняли специальное постановление о мерах помощи этому издательству. Благодаря этому издательство смогло широко развернуть свою деятельность. В 1948 году оно выпустило 219 книг, тиражом в шесть млн. экз.

Были переведены лучшие произведения советских писателей, выпущены первые издания книг, отмеченных в 1947 году Сталинскими премиями, и даже новинки прошлого года, уже привлекавшие внимание широких кругов наших читателей. Среди этих впервые изданных книг — «Белая береза» М. Буешнова, «Мы — советские люди» В. Попова, «Теллоход «Каватия» О. Джигурты, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабевского, «Весна в Сакене» Г. Гуля, «Кружалька» В. Павовой, «Далеко от Москвы» В. Ажгеева, «Разбег» А. Караваевой, «Трое в серых шинелях» В. Добровольского, «Наука избобила» Г. Фина и другие книги, различные по художественным качествам, но мастерам в глубине изображения характеров, по ценным способам патристическим пафосом в вниманием к живым проблемам современности. Вышли в свет поэтический сборник «Земля, как демократия!», книги П. Гибачева, К. Симонова. Издательство увидело в прошлом году выпуск произведений писателей братских литератур, и русский читатель получил возможность ознакомиться с такими замечательными произведениями, как «Абай» казахского писателя М. Ауэзова, «Знаменосцы» украинского писателя А. Гончара, «Решающий шаг» туркменского писателя Б. Кербабаева, «Дорога к счастью» алжирского писателя Т. Керашева, «Люди наших дней» киргизского писателя Т. Сыдыкбекова. Вышла в свет также ряд книг по литературоведению, среди которых заслуживают внимания исследования Шеллеры В. Кирпичникова «Салтыков-Щедрин», И. Андроникова «Лермонтов», издан сборник статей «Советская литература на пороге» — о книжках, удостоенных Сталинской премии за 1947 год, и другие.

Достижения издательства «Советский писатель» — результат общего подвига нашей литературы, ее успехов под направляющим руководством большевистской партии. Но достижения издательства могли бы быть гораздо значительнее и весомее, если бы оно, наряду с книжками, полезными и нужными народу, не выпускало книг серых, малохудожественных, а иногда и идеологически вредных.

2.

Издание «Библиотеки избранных произведений советской литературы 1917 — 1947» — одно из основных мероприятий «Советского писателя» в текущем году. Такое издание само по себе является огромным культурным событием в жизни страны, ценнейшим вкладом в духовную жизнь народа.

Однако отдельные книги серии вызвали у читателей законное недоумение, неудовлетворенность отбором произведений. «Литературная газета» получила немало писем, в которых читатели выражают свой протест против включения в Избранную библиотеку произведений устаревших, не выдержавших проверки временем.

Примером может служить переиздание романа Ю. Тынынова «Смерть Вазир-Мухтара».

Насколько формалистская, историческая книга Ю. Тынынова (редактор И. Брыкин) посвящена великому русскому драматургу А. С. Грибоедову. В 20-х годах, когда писался этот роман, его автор был одним из виднейших теоретиков и практиков формализма. Вопреки истине Ю. Тынынов пытался изобразить генерально-Грибоедова пишущим и честолюбивым, лирическим нравственным убеждениями, и противопоставить эту выдуманную фигуру всему декабристскому движению. Движение декабристов Ю. Тынынов оценивал пессимистически, как бессмысленное и бесплодное. В своем стремлении все истолковать навыворот Тынынов приходит, в сущности, к попену на русскую литературу, развитие которой шла, по его мнению, по нисходящей линии, к враждебным выпадам против советской литературы. Так, например, он пишет: «Было в двадцатых годах вполне бразильное — Пушкин. Грибоедов был укусом бразильяне». А там — с Лермонтова идет по слову и круны гнилотное бразильяне, как зловити тара». И далее: «Вот — уже в наши дни поэты забыли даже о духах и продают самые отборные за благоулаение». Что, кроме неголования, могут выжить в душе советского читателя подобные антипатристические заявления кабинетного астрата и формалиста, каким был тогда Ю. Тынынов. И такую книгу, пропитанную барским пренебрежением к великой культуре русского народа, редакторы «Советского писателя» включают в серию избранных произведений советской литературы!

Не следовало, на наш взгляд, переиздавать сатирические романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» (ред. Е. Ковальчик). В центре обеих произведений — образ Остапа Бендера, «ведькиного комбинатора», как называют его авторы, ловкого жулика, стяжателя. Тогдашняя идейная незрелость молодых писателей сказалась в том, что они любятуют этим «героем», пытаются сделать его интеллектуально выше окружающих. С этой целью они приписали, отступая от фактов, великие заслуги. Романы Ильфа и Петрова дают искаженную картину жизни советского общества в эпоху нава и в начале первой пятилетки. Творческая, созидательная атмосфера страны совсем не отразилась в романе «Двенадцать стульев» и очень слабо показана лишь в последних главах «Золотого теленка». Авторы как бы смаковали пережитки старого, вместо того чтобы клеймить их грозными орудиями сатиры.

За годы сталинских пятилеток выросли, идейно возмужали многие наши писатели, в том числе Ильф и Петров. Никогда бы не позволили они издать сегодня без хорошей переработки два своих ранних произведения. Безусловно, не стоило портить «Избранное» В. Лавринева (редактор Г. Сорокин) повестью «Ветер», написанной им еще в 1924 году. В этой повести отразились мелкобуржуазные взгляды на революцию, как на «срабушевщавшую стихию», романтизировалась анархическая воляница. Не следовало бы включать повесть «Переговоры» в «Избранное» Л. Сейфуллиной (редактор Г. Граник). В повести этой, написанной в 1922 году, кроме натуралистического смакования дикости деревенского быта, содержится совершенно неправильные представления о том, что борьба революции — лишь почва для входов будущего.

Переизданы поэтические сборники поэтов старшего поколения, убеждаешься, что редакторы этих сборников ухитрились почти в каждый из них влить по ложке лести, свидетельствующей о том, что в прошлом у этих поэтов были декадентские и формалистские увлечения. Это неудивительно не только к читателю, но и к самим поэтам, сумевшим преодолеть свои идеологические заблуждения и стать борцами за социалистический реализм.

Все это свидетельствует о том, что издательство «Советский писатель» проявило безответственность и неряшливость в столь важном и нужном издании, как «Библиотека избранных произведений советской литературы». Оно не сумело даже организовать мало-мальски серьезные примечания или предисловия к издаваемым произведениям, не сделало никаких попыток объяснить читателю достоинства и недостатки творчества того или иного писателя. В конце каждой книги просто публиковалась краткая биографическая справка, состоявшая исключительно из анкетных данных и перенятых произведений писателя без всякой их оценки. Бесодержательные справки эти нередко грешат фактическими ошибками, а в ряде случаев самым недопустимым образом искажают идейный и творческий путь писателя. Странно, что такое мероприятие, как составление биографических справок виднейших советских писателей, не стало предметом особого внимания секретариата Союза советских писателей.

Аполитичность и безответственность, ярко сказавшиеся в отборе произведений для «Библиотеки избранных произведений», проявились и в работе издательства над новыми книжками.

Рассказы А. Кременского «Почта гора» (редактор Е. Рамм) посвящены вопросам биологии, однако, им чуждо мичуринское отношение к природе. Излюбленный герой А. Кременского — жреца «чистой науки», «подвиги» которого автор описывает с оттенком эстетского любования.

В повести Д. Дара «В добрый час» (редактор А. Уманский) выдающийся русский ученый Цюковский, которого товарищ Сталин назвал «заменимым деятелем науки», избрал учителем «последователей» немецкого империалиста Отто Лилиенталя, в целях «заимчивости» искаженно биография изобретателя.

Читатели «Литературной газеты» гг. А. Новочадов и И. Кругляков недавно прислали в редакцию письма, в которых выражали возмущение повестью Е. Пагаевой «Стрела» (редактор П. Замойский), герои которой, от председателя колхоза, бывшего фронтовика, до парторга — старой учительницы, «забывают» о законности колхоза государству по джепопоставкам. На этой «забывчивости» строится ложный, фальшивый «конфликт» этой повести, пытающейся опровергнуть антигосударственные построения ее героев.

В рассказах Ф. Кюро в сборнике «Твоя большая судьба» (редактор М. Гус) вместо живых людей действуют условные литературные схемы, спеленные по образу и подобию «героев» низкопробной западной беллетристики. Ни одной черты истинной советской действительности нет в этой мертвой, эстетской книге, пропитанной низкопоклонством перед «художественным методом» современной буржуазной литературы.

Примечательно к формализму, эстетские настроения наглядно сказываются в работе поэтического отдела издательства. Книга стихов В. Камеиского «Избранное» (редактор Т. Грин) вполноемью загромождена формалистическими, декадентскими стихами. «Прежде чем сдавать рукопись в типографию», писал А. М. Горький, «редактор должен внимательно прочитать ее; уверяю вас, граждане редакторы, что именно в этом ваша обязанность!»

К сожалению, редакторы «Советского писателя» не всегда следуют этому правилу. Только этим можно объяснить, что тратится бумага на издание серых, неряшливо написанных, недоработанных, неотредактированных книг, как, например, книга А. Золота «Свет на борту».

Ошибочна монография И. Векслера «А. Толстой» (редактор Л. Субоцкий), страдания на пороховой теории «единого потока» развития русской литературы.

Во многом путанная книга И. Лещева «М. Волохов» (редактор Е. Успенский) изобилует формальными параллелями, искусственным сопоставлением произведений Волохова с книгами дореволюционных писателей.

Борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед буржуазной культурой Запада — одна из первоочередных задач воспитательной работы партии. Издательство «Советский писатель» слабо помогает партии в этой борьбе. Оно не сумело организовать широкого потока книг, посвя-

щенных борьбе с этими пережитками, книг, утверждающих приоритет русской науки, духовное величие советской культуры. Особенно мало сделано в области освещения ведущей мировой роли советской литературы.

На папуе музея СССР резкой и справедливой критике подвергалась работа издательства в области издания произведений братских литератур.

Издательство не проявляет инициативы в поисках новых, написанных на современные темы произведений, нередко издает вещи устаревшие, а иногда и идейно порочные. Подобная «политика» издательства дезориентирует писателей братских республик, тормозит развитие национальных литератур.

4.

Ошибки и недостатки в работе издательства простираются, в основном, от забвения государственных и народных интересов, от еще не изжитых среди работников издательства привычек отношений, либерализма. Руководители издательства (директор П. Ярцев, главный редактор А. Тарасенков) забыли, что задачи советского издательства — задачи социально-воспитательные, что издательство не может быть делегическим органом и строить свою работу на самодеятельность.

Издательство довольствуется по преимуществу лишь тем, что издает те произведения, которые напечатаны в журналах, пасивно регистрируя явления литературы и не прилагая никаких усилий к тому, чтобы направить внимание писателей на разработку тем нашей современности.

Порочна и организация самой работы внутри издательства. Редакционный совет, состав которого дважды менялся в течение 1948 года, работает явно неудовлетворительно. Многие члены редколлегии не читают рукописей, намекая их к изданию, обсуждение этих рукописей носит формальный, «клубный» характер. Особенно плохо поставлена работа в Ленинградском отделе «Советского писателя». Это оно выпустило книгу Ю. Тынынова «Смерть Вазир-Мухтара», Д. Дара «В добрый час», В. Намеского «Избранное» и другие.

Судьба книги чаще всего решается рецензентами, читающими книгу по поручению издательства. В свое время «Литературная газета» в статье «Дорогая нева денных афоризмов» (№ 47 за 1948 год) подвергла резкой критике всю систему так называемых «внутрииздательских» рецензентов в «Советском писателе». Сейчас издательство несколько уаучило рецензирование рукописей. Если раньше дело ограничивалось 1—2 рецензиями, то теперь их число увеличилось. К сожалению, качество их нередко остается порочащим низким. Впрочем, иногда издательство даже не учитывает правильные замечания рецензентов. Упомянутая выше книга П. Векслера «А. Толстой» рецензировалась тремя критиками — К. Зелдинским, Л. Тимофеевым, М. Юнович; К. Зелдинский горячо рекомендовал рукопись к изданию. Л. Тимофеев отделился частными замечаниями, М. Юнович указала на ее опечатанность и требовала серьезной переработки. Но ни одно из ее правильных замечаний не было осуществлено автором и редактором в работе над книгой.

В вопросах гонорарной политики и тиража издательство стало на путь уравниловки. Дифференцированная оплата за художественные произведения в «Советском писателе» подменяется средней оплатой. Достойно сказать, что ни по разделу прозы, ни по разделу поэзии ни одной строки не было оплачено по минимальным ставкам. Безответственно и случайно определяются тиражи книг. Так, например, и роман В. Ажгеева «Далеко от Москвы», и повесть Ж. Гаузера «Вот мы и дома» выпущены одинаковым тиражом 30.000 экземпляров. Сборники стихов, как правило, выпускаются независимо от качества тиражом в 10.000 экземпляров. Таким образом, важнейшие рычаги, помогающие издательству осуществлять определенную политику в организации литературного процесса, «Советским писателем» используются неправильно.

В крупных недостатках работы «Советского писателя» повинны и секретариат Союза писателей, призванный осуществлять идейное руководство своим издательством. Секретариат занимается работой издательства, главным образом, при подведении итогов года, когда уже ничего нельзя исправить. Были и такие случаи, когда секретариат предлагал издательству напечатать ту или иную книгу без серьезного ознакомления с ней. Плохо помогают издательству творческие комитеты Союза писателей. В последнее время только комиссия по теории литературы и критике проработала обследование деятельности «Советского писателя» и вскрыла серьезные ошибки издательства.

Союз писателей должен добиться превращения своего издательства в боевой, творческий организационный центр литературного дела. Забвение принципов большевистской партийности в издании художественной литературы, существующие в издательстве «Советский писатель» делегические, безответственные и притворские отношения неминуемо приводят к идейным провалам и срывам. Редакционный совет не может быть безответственным органом, не осуществляющим существенного влияния на работу издательства, он должен работать на правах редакционной коллегии, ответственной за все направление работы издательства.

В конце следует пересмотреть методы руководства издательством, работу редколлегии и состав рецензентов. К отрывам на книги должны широко привлекаться, кроме постоянного состава рецензентов, крупнейшие писатели и критики, специалисты различных отраслей науки, партийные работники и читательский актив.

Работники «Советского писателя» не имеют права забывать о своей огромной ответственности перед народом, который ждет новых идейных, правдивых книг о нашей великой эпохе.

Эстетствующие клеветники

Статьи газет «Правда» («Об одной антипатристической группе театральных критиков»), «Литературная газета» («До конца разоблачить антипатристическую группу театральных критиков»), «Культурная жизнь» («На чуждых позициях») с глубоким удовлетворением встречены в кругах литературной и театральной общественности. Статьи выражали то, что думают деятели театра и драматургии о тех, с позволения сказать, критиках, которым чуждо чувство советского патриотизма, которые не любят отечественного искусства, которые главной своей «специальностью» сделали клевету на нашу молодую советскую драматургию — самую передовую и идейную драматургию в мире, драматургию социализма.

Особенно много вреда нанесли советскому искусству критики Ю. Юзовский и А. Гурвич. За последнее время они, как известно, предпочитали отделиться от общности современного искусства «фигурой умолчания». Это, разумеется, тоже своеобразное выражение высокомерного пренебрежения к работе драматургов, тоже своего рода «критика», хотя глумная и смешная. Юзовский и Гурвич в последние годы молчали, предоставляя орудовать на страницах печати А. Боршанговскому и другим своим «последователям». Но в «кулуарах» они старательно инструктировали своих приверженцев и преподносили им новые формы атак против советской драматургии. Однако мы помним время, когда Юзовский и Гурвич не притались за подставных лиц, когда они весьма нагло и цинично громили нашу драматургию.

Эти космополиты от театральной критики немало навредили в вопросах освоения классического наследия. Начнем с того, что великую русскую драматургию она попросту третировала. Повторяя зады Велесоловского, Ю. Юзовский бесстыдно заявляет: «Немецкой драматургии Карл Гудков написал пьесу из жизни английской аристократии «Десять Микаельфильдов». Русский драматург Островский откровенно взял у Гудкова сюжет и написал пьесу из жизни глухой русской провинции «Без вины виноватые». Оказывается, не сама русская действительность потонула в великой драматургии, а замысел своего бессмертного произведения, а всего-навсего «блудливый сюжет» был положен в основу этой пьесы!

Далее Юзовский пишет, что горьковский «Еврей Бундучев» связан с одной стороны... с «Королем Лиром», а с другой стороны... с «Отцом Горюю». Юзовский не признает самостоятельности, самостоятельности нашей литературы, а величась старается «доказать» ее якобы зависимость от подонков буржуазии.

Любопытна и весьма характерная деталь. На стр. 84 своей книжки «Вопросы социалистической драматургии» Юзовский трижды упоминает о «Белюзове» из «Доходного места». Читатель, конечно, догадается, что речь идет о чиновнике Белюзове. До какой степени нужно потерять ответственность перед читателями и уважение к великому драматургу, чтобы даже не свериться с перечнем действующих лиц пьесы! Впрочем, невежество Юзовского вообще поразительно. В книге «Образ и эпоха» он заявляет даже, будто

Ю. Юзовский «согласен» с тем, что наши драматурги должны осваивать классическое наследие. Но как «осваивать»? В качестве примера плодотворного «освоения» он называет издательские постановки Мейерхольда. Целую главу своей книжки он называет «Мейерхольд-драматург». Самым подробным образом, с упоминанием, с почтительнейшим восхищением похвастываясь критиком, как «осваивал» Мейерхольд «Свадьбу Кречинского» Сухова-Кобылина.

Для того, чтобы превознести до небес режиссера-декадента, выродка в искусстве Мейерхольда, Ю. Юзовский не останавливался перед тем, чтобы величась упоминать Сухова-Кобылина — крупнейшего русского драматурга, автора бессмертной трилогии «Свадьба Кречинского» превратить под пером Юзовского в «офранцузившую», «ловко скроенную» пьеску. Он охотно повторяет живую версию о том, что когда Сухово-Кобылина написана по образцу пьес Скриба. Постоянно нужно быть беззастенчивым космополитом, чтобы считать одно из лучших произведений русской классики подражанием пустым ремесленничеству пьескам французского драматурга! Юзовский расхваливает режиссера-декадента за то, что «французская комедия (это — о «Свадьбе Кречинского!») — А. С.» превратилась в психологическую драму. В прозрачных интерьерах Скриба запало попольем Достоевского. «Голубь и Достоевский», — строчит он дальше, — если выразиться старомодным (?) термином, «любил человечество». Сухово-Кобылин в лучшем случае к нему безразличен. Здесь все чудовищно: и идеализация Достоевского, и поклон на Сухово-Кобылина.

Антипатристическая критика не желала признавать самого факта существования советской драматургии. Послушать их, — нет у нас драматургии! «Первая козня» Вс. Вишневецкого, как утверждает Ю. Юзовский, всего лишь «робкий и смутный проблеск». Драматургия П. Погодина — тоже, видите ли, только «первый проблеск». Прогресс роста и становления молодой советской драматургии А. Гурвич выдает за «активный процесс разложения драмы как формы искусства».

Вот образец наиболее откровенной и злой клеветы А. Гурвича на советскую драматургию: «Всякая слабость должна либо перебороть себя, либо огромяться от возможных ударов (от ударов гурвичей и Юзовских?)». (А. С.). Но так как она редко оказывается способной вообще что-либо преодолеть, то почти всегда прибегает к второму способу самоубийства. Так ленивая и хвостая драматургия из инстинкта самосохранения спешно сколачивает театрические шиты, под прикрытие которых можно было бы продрожать одержавшие легкие победы». Назвать нашу советскую драматургию хвостой и ленивой! Какой поклон! Какой глум!

Смысл писаний Ю. Юзовского и А. Гурвича сводился к тому, чтобы с порога

А. СУРОВ

действие «Гамлета» происходит в... «британском острове».

Ю. Юзовский «согласен» с тем, что наши драматурги должны осваивать классическое наследие. Но как «осваивать»? В качестве примера плодотворного «освоения» он называет издательские постановки Мейерхольда. Целую главу своей книжки он называет «Мейерхольд-драматург». Самым подробным образом, с упоминанием, с почтительнейшим восхищением похвастываясь критиком, как «осваивал» Мейерхольд «Свадьбу Кречинского» Сухова-Кобылина.

Для того, чтобы превознести до небес режиссера-декадента, выродка в искусстве Мейерхольда, Ю. Юзовский не останавливался перед тем, чтобы величась упоминать Сухова-Кобылина — крупнейшего русского драматурга, автора бессмертной трилогии «Свадьба Кречинского» превратить под пером Юзовского в «офранцузившую», «ловко скроенную» пьеску. Он охотно повторяет живую версию о том, что когда Сухово-Кобылина написана по образцу пьес Скриба. Постоянно нужно быть беззастенчивым космополитом, чтобы считать одно из лучших произведений русской классики подражанием пустым ремесленничеству пьескам французского драматурга! Юзовский расхваливает режиссера-декадента за то, что «французская комедия (это — о «Свадьбе Кречинского!») — А. С.» превратилась в психологическую драму. В прозрачных интерьерах Скриба запало попольем Достоевского. «Голубь и Достоевский», — строчит он дальше, — если выразиться старомодным (?) термином, «любил человечество». Сухово-Кобылин в лучшем случае к нему безразличен. Здесь все чудовищно: и идеализация Достоевского, и поклон на Сухово-Кобылина.

Антипатристическая критика не желала признавать самого факта существования советской драматургии. Послушать их, — нет у нас драматургии! «Первая козня» Вс. Вишневецкого, как утверждает Ю. Юзовский, всего лишь «робкий и смутный проблеск». Драматургия П. Погодина — тоже, видите ли, только «первый проблеск». Прогресс роста и становления молодой советской драматургии А. Гурвич выдает за «активный процесс разложения драмы как формы искусства».

Вот образец наиболее откровенной и злой клеветы А. Гурвича на советскую драматургию: «Всякая слабость должна либо перебороть себя, либо огромяться от возможных ударов (от ударов гурвичей и Юзовских?)». (А. С.). Но так как она редко оказывается способной вообще что-либо преодолеть, то почти всегда прибегает к второму способу самоубийства. Так ленивая и хвостая драматургия из инстинкта самосохранения спешно сколачивает театрические шиты, под прикрытие которых можно было бы продрожать одержавшие легкие победы». Назвать нашу советскую драматургию хвостой и ленивой! Какой поклон! Какой глум!

Смысл писаний Ю. Юзовского и А. Гурвича сводился к тому, чтобы с порога

Герои будущих пятилеток

Н. КАЛЬМА

В одной из подмосковных школ ребята писали сочинение: «Каким я представляю себе Тимура А. Гайдар».

Ученик седьмого класса Толя Свешников написал: «Тимур смелый, решительный, никого не боится, умеет управлять мотоциклом. Если бы Тимур дожил до войны, он стал бы танкистом и героем». А Валя Воронин, из того же класса, пишет: «Я думаю, когда Тимур станет взрослым, он пойдет на войну партизаном и станет таким, как Шура Чекалин или Юра Космодемьянская или даже Олег Кошевой».

Школьники правы: Гайдар сумел так показать своего Тимура, что читатель убежден — Тимур не может не стать героем.

В наши дни задача детского писателя особенно ответственна: он должен не только показать своему читателю, что его герой будет достойным человеком, но и то, что он будет достойным членом нашего коммунистического общества.

В повести «Стожары» А. Мустатову во многом удалась эта задача. Это книжка о современной советской деревне. Время действия — война. Еще стоят на улицах Стожар подползающие землянки, еще потапливают Тимка разнесит своим деревенским адресатом тревожащие фронтовые письма. Но люди в Стожарах уже не только ремонтируют имеющийся колхозный инвентарь, обзаводятся птицей и скотом, но мечтают, экспериментируют, изобретают. Они ясно видят свой завтрашний день и трудятся сообща, чтобы сделать этот день еще краше.

Главный герой повести — деревенский мальчик Сая Копшаков. Мужественный и упорный в своих желаниях, сильный духом, он вожак колхозных ребят, настоящий герой в их глазах. Сая — нравственно сильный человек. Он узнает о гибели отца на фронте и решает скрыть страшную весть от матери, никому не говорить о письме, одному пережить боль потери.

«Он глубоко втянул воздух, по тут острый комок вновь ползал к горлу. Мать была совсем близко. Чувствуя, что сейчас разревается во весь голос, Санька ударил Муромца вожжами, тот рванул вперед и тяжелою, подковаанным копытом наступил мальчику на ногу. Боль пронзала ступню. Мальчика отвели домой и уложили в постель.»

«Когда мать вышла из избы, Тимка оглянулся по сторонам и наклонился над Санькой.»

— А я видел... Ты нарочно под лошадь сунул... — Тимка! — Санька припоялся и схватил мальчика за руку. — Ты никак... А. Мустатов, «Стожары», повесть. Детиздат, 1948, 244 стр.

охлаить наиболее общественно-значительные пьесы о первой пятилетке.

А. Гурвич скандирует со счетов силы советского патриотизма. «Патриотизма целина», — издевательски пишет он, — внезапно оказался глубоко впаханной и заспанной идеями коллективизма, дисциплины, государственности». Высапано! Для Гурвича не существует огромной воспитательной и созидательной работы нашей партии, которая и обеспечила всемирно-исторические победы социализма. Гурвич доходит до того, что приписывает нашему народу некий «вековой греб азиатского невежества и лени».

Только ярые клеветники и злопыхатели, потерявший последние остатки патристической чести и достоинства советского человека, мог так нагло охлаждать наш великий русский народ, создавший самую передовую в мире культуру, науку, искусство! В своем стремлении облагодетельствовать драматургию эти жужжащие последователи занимались «уничтожением» положительных героев лучших советских пьес, заывая его их «уничтоженности и художественной противоречивости».

Наглым издевательством над положительными образами советской драматургии является следующее изречение Юзовского: «Обычно положительный герой «спокоен», но спокойствие его от увсершения в благополучном ожидании пьесы. Он «тверд», но эта твердость не имеет ни какой силы. Она приписана... На губах «положительного героя» всегда блуждает улыбка мудрой «марксистская улыбка, он все знает, он все видит, для него все просто, все ясно».

Критики-эстеты всегда считали себя незаменимыми специалистами в области художественной формы. На деле же эти жалкие проповедники лозных и вредных идей бессильны дать позитивный эстетический анализ художественных произведений. Они не только не стремились сопоставить искусство с действительностью, доказать, что прекрасное это и есть наша жизнь, но, наоборот, пытались всеми способами увести писателей от живых, злободневных вопросов современности в кривые переулки буржуазных, низкопробных тем.

Ю. Юзовский, например, выдвинул бездумную теорию о том, что наша драматургия, дескать, слишком фотографична и ей не хватает... чего бы вы думали? Враль! Так и написано черным по белому: «враль». Вот до чего доводит чудовищная болтовня швейцар того возмозвших о себе жадостеретиков.

Тягостно пыткаются критики-космополиты затеривать процесс расцвета искусства и литературы. Ни это не удается. Юзовские, гурвичи и их последователи будут решительно отброшены с нашего пути. Пусть не путаются в ногах!

Советские драматурги всегда с уважением прислушивались и прислушиваются к мнению партийной, приципальной, деловой и товарищеской критики. Мы знаем, что в наших пьесах немало недостатков и слабостей. П мы уверены, что разоблачение антипатристической группы театральных критиков будет способствовать разрешиванию подлинно партийной, патристической критики в дальнейшем расцвете советской драматургии.

м... Слышшишь.. никому про письмо не скажешь! Покаялись, Тимка.»

В этой простой и сильной сцене Сая показывает редкую даже для взрослого человека выдержку и волю.

Автор проводит своего героя через ошибки и испытания. После смерти отца Санька от горя делается пелюдым и нелюбым, он на время расходится с ребятами и даже отказывается работать с ними с ними на опытном участке. Ему кажется все это детской затеей, а паренек мечтает о настоящих больших делах. И все же с каждой страннейшей этой маляч становится нам все ближе, я мы все больше верим в него. И эта вера оправдывается. Воспитанный в коллективе, Сая не может существовать без него, он возвращается к друзьям, которые помогают ему стать признанным, но только, правда, повзрослевшим Саем.

В Стожары, к делу Векшину, пришел молодой партизан Федя Черкашин. Еще недавно Сая пернизненно относился к нему, ревниво и болезненно воспринимал все растущее влияние Федя на ребят. Но в труде зарождалась дружба двух мальчиков, и понимал, что дружба эта не на час, не на день.

А когда на опытном участке деда Векшина Сая показывают смуглые летние зерна «копшаковка» — шпешники, выведенные отом Сая, мальчик проображается. Вместе с друзьями он горячо берется за общую работу.

Посеожна сюжетная тгаль повести. Сила ее в большой жизненной правде, в опущении того поного, чем живут все люди в этой книге — и ребята, и взрослые. Тем будет Сая Копшаков, когда встретит. Но это уже сейчас можно дать ответ.

В нашей взрослой литературе последние лет есть герой, которого многие родили с Саем Копшаковым. Наверное, именно таким деревенским коповодом, задорой и умельцем, как Сая Копшаков, был в детстве Сергей Тутаринов из романа «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабевского. И вообразая Сая и его товарища взрослых, мы пойдем в них многие черты, знакомые нам по образу Сергея Тутаринова.

«Сергей всматривался в неясную даль стени, видел под покровом ночи станицы, хутора, бригадные станы, паствыны кошары и всей душой таянуся к большой неизведанной-новой жизни, ожидавшей его вперед». Разве эти заключительные слова первой книги «Кавалера Золотой Звезды» не сложи с, пусть еще наивно выраженными, мечтами стожарских ребят? «...Знаете, чего я хочу? — говорит од-

на из маленких героинь Мусатова, Маши. — Чтобы папа Стожары ярче всех светелся... как вот Большая Мельница или звезда Полярная. Чтобы нас издаека все видели. И кто по морю плывет, и на войне ювет, и в Москве живет. Как пойте люди на звездное небо и скажут: «Что это там так ярко горит и не гаснет? Какая такая новая звезда пародилась?» А астрономы-звездочеты им ответят: «Это не новая звезда, это очень старое созвездие Стожары... так ярко разгорелось».

Главное в книге — то новое отношение людей к своему труду, к жизни, друг к другу, которое так характерно для нашей колхозной деревни и которое поэтически просто и вместе с тем правдиво сумел показать писатель.

Особенно удалась Мусатову в книжке ребята: Маша, Федя, Сена по прозвищу Так-на-Так, их отчетливо видишь со всеми их заботами

1. Гитлеровцы в англо-американских мундирах

Де находится и чем занимается сейчас гитлеровские военные преступники? Альберт Кессельринг, фельдмаршал геринговской авиации, разбомбивший Варшаву и многие польские города, разбиивший в норвежских, французских, советских городах и воевавший с партизанами в Италии, не так давно подвергся комедии британского суда. Этот суд заменил ему смертную казнь пожизненным заключением, протекающим в форме домашнего ареста; на-днях Кессельринг был отпущен из-под охраны на «честное слово», чтобы провести с женой «отпуск» на курорте Ротта. Супруга Кессельринга дала интервью журналистам: она сообщила, что ее муж занят «литературной работой», порученной ему американской военной администрацией, и что писание «истории его походов» настолько утомило бывшего фельдмаршала, что ему потребовался отдых.

Сын кайзеровского фельдмаршала, почетного наместника Августа фон Макензена — генерал-полковник Эбергард фон Макензен, этот генерал-полковник, окрестивший Ровно, Житомир, Харьков, а в конце войны командовавший западным фронтом гитлеровской армии, был «судим» англичанами, после чего его поместили в уютную «тюрьму» (читай: виллу) в британской зоне, где и он тоже занимается «литературной работой»: обобщением военного опыта и разработкой новых специальных заданий.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан, такти которого прощались по Польше в первые месяцы второй мировой войны, неся смерть тысячам стариков, детей и женщин, бандаж, смеющийся Гомель и Вязму, равнинский в Москве и многократно битый Советской Армией, находится в американской зоне и на американской службе в качестве одного из организаторов американского шпионажа в Европе.

Вильгельм Риттер фон Леб, фельдмаршал, осуществивший захват гитлеровцами Чехословакии и Эллакс-Югославии, в 1941 году отпел и мечом прощаний по Латвии и Эстонии, организатор кровавой блокады Ленинграда, виновник миллионов смертей, также предстал перед американским судом в Нордберге. Суд, велящий стараясь реабилитировать этого палача и отклоняя все обвинения против него, не мог все же подпольно не считаться с неопровержимыми доказательствами преступлений Леба. Но тот же суд оценил это винушное преступление против человечности, как мелкую угодушницу, и приговорил Леба к трем годам тюрьмы с отчетом предварительного заключения в лагере «для интернированных». В итоге палач и организатор убийств фон Леб вышел на свободу, что-

бы новыми злодеяниями отблагодарить своих заокеанских благодетелей.

Фриц Эрих фон Манштейн, фельдмаршал, палач Польши, палач Франции, палач Крыма, лично отдавший приказ о массовом расстреле коммунистов и «подозрительных», был задержан в августе 1945 года англичанами в Шлезвиг-Гольштейне. После этого Манштейн отплыл в Англию, а затем, в 1948 году, был приведен в британскую зону Германии, где ведет таинственное существование, «работая» в тиши и уединении.

Генерал-полковник Франц Гальдер, почти пять лет заправлявший гитлеровским генеральным штабом, в 1939 году «инспектировавший» финские и итальянские войска, создатель пресловутого «плана Барбаросса», организатор многих разбойничьих гитлеровских походов, отправил американским судом. Мало того, он привлечен американской разведкой в качестве организатора шпионажа и специалиста, помогающего формировать немецкие военные отряды в помощь американской оккупационной армии.

Генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт, гитлеровский главнокомандующий группы «Зюд», палач Польши и балканских стран, разрушитель Варшавы и Умаги, Киева и городов Донбасса, с апреля 1942 года и до июля 1944 года командовал западным фронтом, как известно, в мае 1945 года сдался в плен американцам. В сентябре того же года французское правительство потребовало его выдачи. Однако американцы отказали французам в их справедливом требовании и переложили Рундштедта англичанам. В декабре 1947 года Рундштедт на британском военном самолете летал из Англии в Ганновер, чтобы провести своего большого сына. «Чужие» британские генштабисты и разведчики обеспечили его даже поеходимой рекламой: Рундштедт посетил военный «институт» Лядель-Гарт, который затем сообщил в печати, что он увидел «дежидемента и истинного аристократа».

Переведенный в британскую зону оккупации Германии, гитлеровский воля Рундштедт продолжает работать по англо-американским заданиям.

Такова судьба некоторых «звезд» фашистского генералштаба. Но газеты Западной Германии стреляют именами генералов и помещают, которые также возобновили свою военную и «государственную» деятельность по англо-американским заданиям.

В Западной Германии процветает открытое культивирование гитлеровской военной культуры. С помощью господ генералов в Висбадене организован центр «Содружество бывших кадровых солдат». При деятельной «консультации» бывшего генерал-

лейтенанта Грюппе, в Бизонин разработан и принят «закон» о пенсиях для бывших гитлеровских военных. Для солдат «Фюрера» и их родственников (в случае смерти самих пенсионеров) установлены ежемесячные пособия. Это сделано с санкции британской и американской военных администраций. Объединение бывших военных в Геттингене обогладело настолько, что выпустило обращение к населению с призывом производить денежные сборы в пользу бывших генералов. И в Марбургский банк на имя «особоуважаемого» фашистского генерала, некоего доктора юриспруденции Лиц-Гельбеля в самом деле потекли деньги от реваншистски настроенных немецких реакционеров.

В Западной Германии для военных преступников созданы особые, привилегированные условия «заключения». Так, например, генерал Рундштедт, Манштейн и Штраузе предоставлены специальные апартаменты, где они живут вместе со своими женами. Несмотря на то, что в самом деле потекли деньги от реваншистски настроенных немецких реакционеров, в котором благодарят его за обращение, полное «дежидемента и рыцарства». Для ста двадцати «интернированных» в Нейштадте генералов и полковников американцами отведены шестьдесят двухквартирных домиков с садами и огородами. В этой колонии для преступников царит почти идиллическая обстановка: «интернированных» обслуживают прислугой, каждому из них положено около — 750 марок в месяц, их снабжают продуктами и товарами повышенного качества. В дни рождения американское командование не только поздравляет военных преступников, но и предоставляет им «гражданские отпуска». Среди «отпускников» — генерал Дитрих, гитлеровский «прессе-шеф», генерал СС Бергер, гаулейтер Бюле.

Весь режим, который применяется западными оккупационными властями к находящимся в берлинской тюрьме Шпандау (английский сектор города) главным военным преступникам, также проникнут бесспорной дружественностью. Так, например, премьер Гитлера, гроеденцкой Дение все время получают от французского врача обильное дополнительное питание. Забота о военных преступниках простирается и на духовную жизнь: американцы заняты «культурно-просветительской» работой, для чего доставили во двор тюрьмы Шпандау специальную радиопередающую установку.

Взяв твердый курс на воссоздание германской военной мощи, в целях подготовки новой войны, англо-американские власти заботливо подбирают «кадры» гитлеровских убийц и охраняют их от гнева народов.

— Подписать никак не могу: обе руки заняты

Второй процесс „Леттр Франсез“

Александр ДОВЖЕНКО

Более четырех лет назад, когда победоносная Советская Армия в грандиозных сражениях гитлеровские полчища и мир восхитился ее победами, когда освобождение Европы от фашистской чумы силою советского оружия определилось во всей своей непоколебимости и порабощенные фашизмом народы воспрянули духом, — в это самое время американская разведка тоже действовала во-все. Ее, конечно, водновала отнюдь не помощь героям Советской Армии.

У американской разведки уже был сфабрикован сборник клеветы на Советский Союз — компиляция из бредовых разглазгов Гейбеля о «красном варварстве», приправленная бесстыдными анекдотами херстовских ловкачей и ханжеской декламацией о «западной демократии». Для этой страны требовался «автор», и он был, наконец, обнаружен и завербован в ночных кабаках Вашингтона.

Имя этому микрочеловечку, — даже меньше, мнучу-человечку, — Кравченко, — умозрительный американский холуй трузновской чекалки.

Не меняйте фамилию, дорогие товарищи, случайные его однофамильцы! Он уже сам ее потерял. Он уже переменил ее из трусости, стыда и ужаса. Он хотел бы забыть ее, стереть, смыть, как смывают преступники следы крови на своей одежде. Он жавет инкогнито, он надевает черную маску, он охраняет гангстеры с маузерами и пудеметай. Да и появляется такая «личность» крайне редко. Как нет у народа грани любви к своей родине, так нет пределов уничтожающего презрения и отвращения к преданию родины изменника. И ни какое количество нудных дозларов, ни псевдонимы, ни чужие паспорта, ни сотни наемных телохранителей, — ничто не спасает предателя и его прихлебателей от позора.

Может быть, и не стоило бы упоминать о существовании этого мнучу-человечка? Пусть бы сгинул он в своем американском кабаке. Но этот негодяй поставлен сегодня в центре одного эпизода из гнусного сценария американских поджигателей новой мировой войны. И потому, преодолевая отвращение, приходится все же, говоря о них, упоминать и его имя.

Клеветническая антисоветская «книга», составленная в Вашингтоне и подписанная Кравченко, была выпущена в Америке вскоре после поражения гитлеровской Германии. Выход в свет этого издания сопровождался диким шумом. Во второй половине 1946 года агенты отдела пропаганды государственного департамента предприняли особую кампанию по распространению перлов этой книги в странах Западной Европы, в первую очередь — в Западной Германии и во Франции.

Французский кабинет активно участвовал во всем этом деле. Различные министерства рассылали гразный насквель в школьные, военные, муниципальные библиотеки. Правительственная пресса «организовала» вокруг «книги» немалый бум. Достоинство свидетеля уверяют даже, что министерство иностранных дел передавало по телеграфу время от времени в свои зарубежные представительства самые неслепые выдержки из этого «сборника», подавая их под маркой «достоверной информации» о Советском Союзе.

Американское посольство со своей стороны не пренебрегло никакими средствами для привлечения внимания бездельников к этой гразной стране. Темные личности подкупали библиотекарей для того, чтобы они каждому читателю рассказывали о том, как «русские агенты» якобы пытались «издать» этот насквель, но что им, библиотекарям, удалось как-то чудом «спасти» последний экземпляр. Никогда еще ни одно фармацевтическое средство уже на первом заседании суда было установлено, что весь этот «труд» составлен в кабинетах американской разведки и что гразный наймит Кравченко не удостоился даже как следует ознакомиться с содержанием «книжки», которую он якобы на-

что таковыми же являются также и соответствующие деятели государственного департамента США. А также и те французы, которые оказывали им помощь.

Удар, нанесенный газетой «Леттр Франсез» государственному департаменту и его французским агентам, оказался жестоким. И они задумали шумную «карательную» операцию. Они решили возбудить процесс по обвинению галты Спроутиана «Леттр Франсез» в «клевете» на шпона Кравченко. По мысли заокеанских организаторов этого процесса, он должен был явиться чудовищной и бесстыдной провокацией, направленной против сил прогресса и демократии, возглавляемых СССР.

Не сразу осмелились организаторы этой более чем рискованной провокации дать своим французским марionеткам сигнал о том, чтобы начать действовать. Однако после ряда отсрочек, обильно приправленных «техническими» причинами, они твердо пришли к выводу: откладывать дальше, чем до конца января 1949 года, нельзя. Усиленная подготовка Северо-атлантического пакта настоятельно требовала для его маскировки ожесточенной кампаны по распространению антисоветской и антидемократической клеветы. Вот почему режиссеры этой инсценировки решились действовать.

После всех этих приговоров 24 января и открылся второй процесс газеты «Леттр Франсез». Мы не оговорились. Речь идет именно о втором процессе против этой органа прогрессивных сил Франции, который на этот раз удостоился чести быть избранным американскими монополистами в качестве «мишеней». Первый же процесс, сфабрикованный по тем же провокационным причинам, состоялся 30 мая 1942 года — в дни, когда Гитлер готовился бросить свои войска на Сталинград.

Тогда фашисты привлекли к суду «Леттр Франсез» за то, что она защищала французский народ от оксвернувшего действия геббельсовской пропаганды и сообщила о преступлениях, совершаемых гестапо. Жак Декур — тогдашний редактор «Леттр Франсез» — был выдан оккупантам петновским министром внутренних дел Поше. Как теперь выяснилось, Поше был агент-«двойник»: он обслуживал Гимmlера и одновременно американского посла в Виии Леги, который в настоящее время является советником президента Трумэна.

Новое «преступление» редакция газеты «Леттр Франсез» состоит теперь в том, что она защищает французский народ от оксвернувшего действия американской антисоветской пропаганды и сообщает всему миру об участии вагнингтонского гестапо в одном из самых отвратительных эпизодов этой пропаганды. И на этот раз в затеянной из-за океана провокации принимал активное участие министр внутренних дел в кабинете Кля — Жюль Мок, также являющийся усердным, но не самым злободневным агентом американских хозяев Франции.

И все же, несмотря на пятнадцатимесячную подготовку процесса и многочисленные репетиции, проведенные государственным департаментом со всеми провокаторами и предателями, выступавшими в качестве «свидетелей», скандальный провал инициаторов этой провокации совершился на глазах у всего мира и притом — весьма быстро.

Возьмем для примера вопрос о том, кто являлся действительным автором так называемой «книжки Кравченко». К великому конфузу государственного департамента уже на первом заседании суда было установлено, что весь этот «труд» составлен в кабинетах американской разведки и что гразный наймит Кравченко не удостоился даже как следует ознакомиться с содержанием «книжки», которую он якобы на-

Голос борьбы на Гавайских островах

Чарльз К. Фузимото, молодой выдающийся гавайский ученый, магистр химических наук, был недавно избран членом местной академии наук. Но он отказался от своей научной карьеры, чтобы целиком посвятить себя борьбе за мир и демократию на посту председателя национального комитета коммунистической партии Гавайских островов.

В своем письме ректору Гавайского университета Фузимото заявил: «Я отказываюсь от научной деятельности, чтобы посвятить все свое время коммунистической партии. Это — самое лучшее, что я могу сделать для блага моих соотечественников, жителей Гавайских островов.

Коммунистическая партия Соединенных Штатов, отстаивая интересы американского народа и народов всего мира, стойко и последовательно борется против заправил монополий, толкающих мир к фашизму и агрессивной войне. За это она подвергается непрерывным нападениям правящих кругов.

Американская реакция пыталась поставить компартию вне закона, провести закон Мундта-Никсона, который легально установил бы фашизм в Соединенных Штатах. Так как это не удалось, они стараются сейчас заставить в тюрьму 12 руководителей компартии, предать им необоснованные, смехотворные обвинения.

Та же самая политика проводится и на Гавайских островах. Губернатор приказал уволить по причине «неблагонадёжности» нескольких школьных учителей, имеющих за плечами 20 лет бесспорной службы. Это — лишь начало широкой кампании по «очищению» государственного аппарата от всех прогрессивно мыслящих людей.

Ввиду всего этого я считаю себя обязанным активно участвовать в борьбе народов за сохранение мира, который мы выиграли столь дорогой ценой, и отдалять все свои силы коммунистической партии Гавайских островов — организации, которая ставит своей целью защищать интересы народа».

О. САВИЧ

КРОВЬ И ЦВЕТЫ

Первого октября 1947 года в дегोलлевском журнале «Кларебуру» появилась статья полковника Реми. Наемник де Голля, друг и соратник пресловутого полковника Пасси (враг и предатель, описанного Андре Брюссером в книге «Де Голль и его сообщники»), Реми писал: «Франтиеры и партизаны приносят себе взрывы электростанции заводов Крезю и радиоэлект в Сент-Ассиз в 1942 году. По обе эти операции были задуманы в Лондоне и великолепно выполнены нашими друзьями Мари и Гужоном, сброшенными на парашютах».

Жан Лафитт, автор известной советскому читателю книги «Живые борются», коммунист и видный участник движения Сопротивления, с возмущением прочитал насквозь заметку деголлеца. В 1942 году, находясь в концлагере Маутхаузен, Лафитт встречался с теми, кто сам же тогда взорвал радиомащты. Эти люди, коммунисты, тогда же рассказали ему историю операции во всех подробностях, и теперь он решил разоблачить дивинную ложь деголлевского полковника. Лафитт разослал оставшихся в живых товарищей, вместе с ними отправившись в Сент-Ассиз, распросил местных жителей, исследовал район варья. И установил, что «Мари и Гужон, быть может, и посетили Сент-Ассиз, но через два года после того, как франтиеры и партизаны взорвали радиомащты».

Сперва Лафитт хотел ограничиться документальным опровержением заявления Реми. Но в материалах о подготовке и выполнении варья, в судьбе его организаторов было много таких подробностей, в которых «жизнь совершается с искусством». Когда с обстоятельствами дела познакомился Арагон, друг и литературный наставник Лафитта, он посоветовал ему написать вместо опровержения повесть.

Арагон оказался прав. Повесть, построенная на полдюжине фактов, повесть, в которой действуют не вымышленные, а полные герои, не только опровергает клевету деголлеца, но также разоблачает их попытку присвоить чужую славу, но и воссоздает атмосферу сопротивления, был заключенных в гитлеровском концлагере, картины возвращения на родину. Правда документальная слава правой художественной и приобрела силу обобщения. Это уже не «частный случай». За ним во всем величии встает борющийся французский народ и его вождь — коммунистическая партия. Книга Лафитта, озаглавленная «Мы вернемся за последними», стала своего рода повестью о настоящем человеке, о коммунистическом человеке. Недаром прогрессивные газеты «Юманите», «Се сур», «Аксон», «Леттр Франсез» приветствовали ее появление восторженными статьями.

Содержание повести вкратце таково. Париж 1942 года, весна. У франтиеров и партизан нет оружия, нет взрывчатка. Революция для них — редкая драгоценность. Начальник небольшой группы Сопротивления, членом состоявшей из рабочих-коммунистов, Раймон знакомится с участником деголлевской организации. Последний предлагает Раймону воспользоваться ору-

жьем и взрывчаткой из деголлевского склада, который не сегодня-завтра будет обнаружен агентами гестапо. Повидимому, деголлецы, не желая рисковать, решили похертовать складом и отаить его немцам, но это не устраивает наиболее честного из них, знающего, в каких условиях борются коммунисты.

С согласия партийного руководства группа Раймона вывезла со склада оружие и взрывчатку.

Первоклассная взрывчатка должна быть израсходована, разумеется, на серьезное дело. Согласно своей замысел с партийным руководством, Раймон предложил товарищам взорвать две мащты радиостанции в Сент-Ассиз, обслуживающей немецкий военный флот. Предварительная разведка установила, правда, что трудности, которые их ожидали, из-за условий местности и бдительности охраны почти непреодолимы. Тем не менее было решено понытать счастья.

В операции приняло участие пять человек. Под видом рыболовов они отравились на велосипедах в Сент-Ассиз и проникли в зону радиостанции. Один остался у велосипедах, остальные, по-двое, направились к заранее намеченным мащтам.

Рассказ о том, как Раймон в его спутники ползли к мащте, буквально на глазах у часового, погон огромного внутреннего напряжения. Раймону с товарищем удалось заложить взрывчатку, а двум другим — не удалось, так как старший из них струсил.

Взрыв нанес немцам огромный ущерб. Вскоре гестапо арестовало всех участников операции. Тот, который струсил при выполнении задания, был задержан гестаповцами и выдан остальным. Немцев интерес только одно: откуда у коммунистов лондонская взрывчатка? Они знают, что деголлецы никогда не пускают ее в дело и никогда не передают другим. Раймона подвергают жестокому пыткам, — это одна из самых сильных сцен в повести. Ни Раймон, ни его товарищи нячего не сказали своим палачам.

От обвиняемых по делу о взрыве не удалось добиться признания. Их приговаривают, однако, к заключению в концлагер Маутхаузен. Предательство не помогало трузу, — он очутился там же. Заключение, узнав о подлой измене, избивают его и полностью от него изолируют. Двое из группы Раймона умирают. Вообще же жизнь в лагере показала довольно скупо — видимо, Лафитт не хотел повторять того, что уже сказано в его первой книге. Зато с удивительной силой и теплотой описано возвращение заключенных в Париж: тут и переживания измученных людей, и радость возвращения на родину, и радость встречи с родными и близкими, и сочувствие огромной толпы, окружающей их, и наглые прихvatки деголлевских офицеров и чиновников.

Проходит несколько лет. Деголлевский полковник заявляет, будто коммунисты «присваивают» себе честь взрыва радиомащты. Раймон производит настоящее расследование, опрашивает местных жителей, разыскивает бывшего деголлеца, снабдив-

шего группу оружием. Тот не только подтверждает факты, но и заявляет: «В новой борьбе я буду с вами». Расследование заканчивается тем, что все участники записки взрыва отправляются в Сент-Ассиз и там на месте устанавливают истину.

Давно, еще до войны, Раймон обещал жене, что они будут вместе рвать ветлы. Но было слишком много дел, обязанностей, забот. И все-таки наступил этот час, они, а с ними — дети и товарищи, рвут большие букеты полсежанинок.

Постоянная рубрика в газете «Леттр Франсез» называется «Секреты производства». Критик, написавший под этой рубрикой статью о книге Лафитта, считает, что ее «секрет» — в стремлении «быть, как можно ближе к правде». Думается, что для книги, подобной повести Лафитта, одной только близости к правде мало. Это — сама правда. Лафитт собрал документы и показания, он сам, и не однажды, участвовал в диверсионных операциях, сам был таким же, как Раймон, начальником маленькой коммунистической группы в Париже, как и его герой, был заключенным в Маутхаузен.

Нет у Лафитта и никаких «секретов», хотя есть много достоинств и удач. Первая удача — образ Раймона. Это полнокровный коммунист-руководитель; гестаповский офицер не верит, что Раймон никогда раньше не был военным и не имел дела с взрывчатыми веществами; немцы убеждены, что разработать и выполнять такую операцию мог только специалист. Где бы он ни был, — в лесу, у подполья радиомащты, в лагере, — Раймон всегда, почти незаметно, руководит товарищами. Он внушает им веру и бодрость. Он велет людям за собой, потому что верит в них, а они, в свою очередь, верят ему, потому что знают его.

Другие персонажи обрисованы более бледно. Но читатель не забудет ни спутника Раймона, скрынного от товарищей жестокий преступлениц, чтобы его не отстранили от участия во варьяе, ни веселого парижского юмшу, умирающего в Маутхаузене. Не забудет и жены Раймона — Марсели — верного товарища в борьбе, любящей спутника жизни.

Герои книги в 1942 году еще не знали, что представляет собой де Голль, но видели дела деголлецев. Поэтому им не удивляет, когда, вернувшись из лагера, они после первой радости встречи сразу попадают в атмосферу продолжающейся борьбы. Они не только не отказываются от борьбы, но уходят в нее с головой. Так же, как Раймон, они черпают веру, бодрость и силу во французском народе.

В живой заметке полковника Реми упоминаются также заводы Крезю. Кто же на самом деле осуществил взрыв электростанции на этих заводах? На этот вопрос Лафитт ответил корреспонденту газеты «Аксон»: «Это было действительно задумано в Лондоне. Но люди, сброшенные на этот парашютах, испугались и не выполнили задания, и тогда франтиеры и партизаны сделали это за них».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: И. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕВИЧ, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.